

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

АЛЕКСАНДР ВАСЬКИН

ЛЕГЕНДЫ АРБАТА. «КРУГЛЫЙ ДОМ» КОНСТАНТИНА МЕЛЬНИКОВА

В Сростках, во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике Василия Шукшина, хранится уникальная фотография — «Василий Макарович Шукшин у архитектора Константина Степановича Мельникова». Фото сделано в доме № 10 в Кривоарбатском переулке в 1973 году. Кинооператор Анатолий Заболоцкий запечатлел беседующих и крайне интересных друг другу выдающихся современников. Мельников, сидя в кресле, что-то рассказывает Шукшину, стул которого повернут в другую сторону, но сам он всей своей фигурой полностью обращен к хозяину дома, внимательно слушая. Что-то очень любопытное говорит старый архитектор — его гость весь во внимании. Этот визит Василия Макаровича к Константину Степановичу оказался настолько плодотворным, что Шукшин задумал делать фотопробы для фильма о Степане Разине не где-нибудь, а именно в этом доме в Кривоарбатском переулке...

Беседа К.С. Мельникова и В.М. Шукшина в доме в Кривоарбатском переулке. Из личного фотоархива А.Д. Заболоцкого. 1973 год

Шестьдесят лет назад, в 1965 году, в Центральном доме архитектора в Москве открылась ретроспективная выставка архитектурных проектов и живописи Константина Мельникова, посвященная его 75-летию. Каталог выставки «Константин Степанович Мельников. Архитектура. Рисунок. Живопись» стал сегодня библиографической редкостью, в Российском государственном архиве литературы и искусства сохранился один из редких его экземпляров, убеждающий нас в том, насколько широким был диапазон творческих исканий зодчего. Поражены были и посетители выставки. Один из «собственных корреспондентов» крупной иностранной газеты все пытался собрать воспоминания о юбилее-

*Константин Степанович Мельников
(1890–1974)*

ре: каким он был в жизни, о чем мечтал, что не успел сделать. И каково же было удивление молодого французского журналиста, услышавшего неожиданный ответ на свой вопрос: «Да вы у него самого спросите!» «А разве господин Мельников жив?» Да, Константин Степанович Мельников (1890–1974) встречал свой юбилей в здравом уме и ясной памяти в собственном доме в Кривоарбатском переулке. В 1965 году, минуя защиту диссертации, ему к 75-летию присвоили ученую степень доктора архитектуры, а за два года до смерти, в 1972 году, наградили званием заслуженного архитектора РСФСР... В России надо жить долго. Звание дали, вот бы еще здоровьем кто поделился. А силы и творческие помыслы остались в далеком, довоенном прошлом.

В этом необычном доме, не имеющем внешних углов и построенном в виде цифры восемь, Константин Мельников поселился чуть меньше столетия назад. И считался он в ту пору архитектором номер один. Было это в те благословенные времена, когда самым современным и продвинутым стилем в искусстве считался конструктивизм. Это был авангард мировой культуры, зародившийся в нашей стране после октября 1917 года. Потому Мельникова и зовут сегодня ни много ни мало гением русского авангарда. Гаражи, клубы и дом Мельникова в Кривоарбатском переулке — ныне памятники архитектуры.

Биография Константина Степановича состоит словно из двух частей: признание, успех, слава и... забвение. А прожил он немало — 84 года! Появился на свет будущий «гуру конструктивизма» 3 августа 1890 года в бывшем пригороде Москвы, который сегодня известен благодаря своему прекрасному названию — Соломенная Сторожка (от которой ни пучка соломы сегодня не осталось, а только улица). Родился Мельников в простой семье с крестьянскими нижегородскими корнями. Отец его, строитель, трудился на ремонте дорог на землях Петровской сельскохозяйственной академии. Интересно, конечно, другое — само название родного для Мельникова дома, выстроенного не из кирпича или дерева, а глинобитного, с добавлением соломы, потому так и прозванного. А поначалу кажется, что крыша у домика была соломенной, на самом же деле он был покрыт черепицей. Да еще и имя архитектора сей сторожки что-то тоже значит — Николай Бенуа, представитель известнейшего творческого клана. Короче говоря, сама судьба уготовила младенцу из Соломенной Сторожки блестящее архитектурное будущее. Детство его прошло в подмосковных Лихоборах.

Еще в церковно-приходской школе Константин Мельников выделялся среди сверстников как хороший рисовальщик, что неудивительно — многие выдающиеся зодчие таким образом впервые и проявляли свое дарование. После окончания школы в 1903 году родители ненадолго устроили его учеником в иконописную мастерскую, что была в Марьиной Роще. Удачей для небогатой семьи Мельниковых стало знакомство с известным ученым и инженером Владимиром Михайловичем Чаплиным, разглядевшим в Константине художественные способности, требовавшие дальнейшего развития. Чаплин нанял ему репетитора для поступления в Московское училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой. В итоге в 1905 году Мельников, сдав вступительные экзамены, становится студентом общеобразовательного отделения училища. Позднее он писал:

«Мое имя стояло в числе одиннадцати счастливицев, среди 270 претендентов. Конкуренты мои носили усы и даже бороду — возраст служения Искусству не ограничивался». Ему было всего пятнадцать лет.

В стенах училища Константин Мельников провел двенадцать лет, получив к 1910 году общее базовое образование, что позволило ему в дальнейшем учиться еще и на отделениях живописи и архитектуры. Среди учителей живописи были весьма авторитетные художники: Константин Коровин, Абрам Архипов, Сергей Малютин, архитектуру преподавали Иван Жолтовский, Илларион Иванов-Шиц. Особенно увлекательно было в мастерской Жолтовского, где царила атмосфера необычная. Архитектор С.Чернышев, вспоминая о Щусеве, говорил: «Приходя к Алексею Викторовичу, я всегда чувствовал атмосферу такого высокого артистизма, большого художника». Так же мог сказать и Мельников, не только открытый новаторским идеям, но и готовый впитывать в себя бесценный опыт и щедрую мудрость учителей. Иван Жолтовский сразу оценил своеобразный талант Мельникова: «Неизменный успех его оригинального творчества объясняется исключительным дарованием К.С. Мельникова к пластическому искусству».

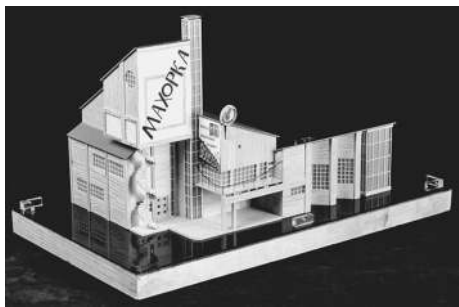
Студентом Мельников проходит столь необходимую ему практику. Какое счастье, что можно прийти и посмотреть на одно из первых зданий, к которому он приложил руку, несмотря на то что ныне от завода имени Лихачёва (ЗИЛа) осталось лишь название. Более века назад Константину Мельникову поручили заказ — разработку фасадов зданий автомобильного завода АМО. Завод строился на деньги братьев Рябушинских по проекту А.Кузнецова и А.Лолеята. Мельников создал проекты фасадов для заводууправления, кузнечного, литейного и прессового цехов. Заводууправление сохранилось. «Симметричное, с невысоким куполом в центре, кирпичное с немногими белыми деталями, оно характеризуется монументальностью и простотой. Здание вызывает ассоциации с постройками русских зодчих начала XIX века — О.И. Бове, Д.И. Жилярди и других, но в его больших проемах, в обновленной трактовке традиционных форм как бы осуждается новое время: это произведение Мельникова представляет собой выразительный пример московского архитектурного неоклассицизма 10-х годов», — особо подчеркивается в исследованиях творчества архитектора.

Работая в 1916–1917 годах над выполнением заказа для АМО, Мельников живет неподалеку, на казенной квартире, куда переезжает и его семья. Ведь он уже отец двоих детей — Виктора (1914) и Людмилы (1913), которых родила ему жена (с 1912), Анна Гавриловна Яблокова. А семью надо кормить.

Как удачно закончил он учебу в Московском училище живописи, ваяния и зодчества — в 1917 году. Новой эпохе — социалистической — требовались и новаторы, нестандартно мыслящие творцы. Молодые архитекторы, художники, скульпторы создавали и новую эстетику. Кроме того, масса нерешенных проблем, препятствовавшая развитию Москвы как современного города, создавала огромное поле для деятельности и зодчих, и строителей. Обилие трущоб и ночлежек, отсутствие комфортабельного жилья для небогатых слоев населения, слабый уровень организации транспортного движения, несоответствие системы жизнеобеспечения современным требованиям — застарелость этих проблем характеризовала жизнь Москвы начала XX столетия. Российская столица сто лет назад явно не справлялась с огромным потоком рабочей силы, хлынувшей в нее в том числе и для работы на заводах и фабриках. И кажется непростым совпадением, что первый проект Мельникова был выполнен для АМО — в дальнейшем именно представители победившего рабочего класса будут основной аудиторией, для которой он будет проектировать свои клубы и жилые дома.

Мельников оказался в числе самых востребованных зодчих, участвуя в осуществлении грандиозной реконструкции Москвы на новых социальных основах. Генеральный план развития столицы получил название «Новая Москва», в

его рамках Мельников занимается перепланировкой Бутырского района и Ходынского поля. Среди многих его проектов этого времени — реконструкция Советской площади, поселок при Алексеевской больнице, Народный дом, жилые дома, крематорий. Начинается и его преподавательская деятельность: с 1920 года

*Макет павильона «Махорка»
на Всероссийской сельскохозяйственной
и кустарно-промышленной выставке
в Москве. 1923 год*

Константин Степанович профессор архитектурного факультета Вхутемаса.

А когда в 1923 году было принято решение о создании Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки на месте существовавшей с конца XIX века городской свалки, Мельников, будучи одним из самых молодых архитекторов, создает проект павильона — легендарной «Махорки», ставшей первой «конструктивистской ласточкой». Уже само название указывало на скромность замысла организаторов: все же «Махорка» это не «Машиностроение» — иначе говоря, незначительная отрасль,

успехи которой следует продемонстрировать. Но Мельников интерпретировал это на свой лад, что принесло ему и громкий успех, и столь же оглушительную критику. Прошли десятилетия, и критика забылась. Теперь «Махорку» трактуют как образец стиля.

Когда на месте выставки решено было разбить парк культуры и отдыха, ее прежнюю планировку, спроектированную Иваном Жолтовским, призвана была заменить новая планировка — Константина Мельникова, главного архитектора будущего парка (с 1928 года), частично сохранившаяся и донныне. Конструктивист Мельников спроектировал партер парка с фонтаном по центру, в котором «архитектура формировалась струями самой воды». Однако проект полностью реализован не был по причине кардинального изменения художественной политики в СССР.

После «Махорки» Мельников стал работать очень активно. Среди его проектов — первый саркофаг для мавзолея Ленина (1924), павильон СССР на парижской Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств (1925), на Международной выставке в Салониках, Международной выставке «Век машин» в Нью-Йорке (1927) и др. А в 1933 году состоялась персональная выставка проектов Мельникова на V Миланской триеннале (1933).

Но больше всего Константин Степанович проектировал для Москвы. Это такие проекты, как Ново-Сухаревский рынок (1924, не сохранился), гараж на Бахметьевской улице (1929), гараж на Новорязанской улице (1929), Дом культуры имени И.В. Русакова на Стромынке (1929), клуб со столовой завода имени М.В. Фрунзе на Бережковской набережной (1929), Дом культуры завода «Каучук» на Плющихе (1929), клуб фабрики «Свобода» на Вятской улице (1929), клуб фабрики «Буревестник» на 3-й Рыбинской улице (1930), гараж Интуриста на Суцевском Валу (1934), гараж для Госплана на Авиамоторной (1936). Клубы Мельникова создали ему мировую славу — ни в одной другой столице мира не было сосредоточено столько интереснейших и оригинальных конструктивистских зданий, уникальных по своей архитектуре. Но дело не только в этом — клуб стал абсолютно новым общественным явлением в сфере массового досуга и просвещения. Каким должен быть социалистический клуб? На этот вопрос и дал ответ Константин Мельников. И недаром до сих пор его клубы изучают на всех архитектурных факультетах крупнейших университетов мира — настолько они оригинальны и индивидуальны. Каждому он нашел неповторимый облик.

*Примеры зданий в Москве, выполненных по проектам К.С. Мельникова:
а — гараж Госплана СССР, б — гараж Интуриста, в — клуб фабрики «Свобода»,
г — Бахметьевский гараж*

А самое главное наследство Мельникова — это собственный дом в Кривоарбатском переулке (1927–1929), ибо здесь он выступал в двух и даже трех лицах: заказчика, архитектора и жителя. Это, наверное, было и просто, и трудно одновременно. Тот факт, что Мельников жил в спроектированном им же доме, не редкость даже для Москвы, ибо это считалось даже в порядке вещей. Взять хотя бы знаменитого Федора Шехтеля, который вполне мог позволить себе подобное — жить в своем же доме. Но это было до 1917 года, когда право частной собственности никто не отменял. В советское же время подавляющее большинство зодчих могло рассчитывать на всего лишь квартиру, например, в высотном доме, ими же спроектированном (например, Дмитрий Чечулин жил в сталинской высотке на Котельнической набережной), но Мельников-то получил право выстроить личный дом. Как же это стало возможным?

Еще в пору учебы в училище Константин Мельников задумался о своем собственном доме, удобном и уютном, где можно было бы совмещать и повседневную жизнь, и работу, для чего стоило предусмотреть и мастерскую. В голове у зодчего возникали самые разные формы и конфигурации будущего ковчега: квадрат, пирамида, овал. На смену одному начерченному проекту приходил другой. Мастер искал идеальную форму. И в конце концов нашел ее — дуэт двух цилиндров, как он обозначит ее сам. Скорее всего, дом в Кривоарбатском стал результатом нереализованности проекта другого здания — клуба имени Зуева, в конкурсе на который Мельников принял участие в 1927 году. Тогда победил проект Ильи Голосова. «Нас — претендентов — было двое, и два объекта, и решили в проект Голосова ввести цилиндр, который и сейчас одиноко звучит декоративным соло. Так поступили люди, хорошие люди, но Архитектура не простила им растерзанной идеи и вернулась ко мне в блестящем дуэте нашего дома», — вспоминал Мельников.

Землей в столице ведал Моссовет, в который и стекались немногочисленные просьбы от организаций выделить участок под строительство кооперативного дома для своих сотрудников. Конец 20-х годов — это как раз время на исходе НЭПа, когда в Москве начали возводить первые кооперативы, в основном для

*Собственный дом К.С. Мельникова
в Кривоарбатском переулке*

творческой интеллигенции. Среди подобных просьб явно выделялось ходатайство, поданное Мельниковым. Тем более дом-то был экспериментальный! Другими словами, архитектор поначалу хотел сам пожить в круглом здании, а затем уже распространить этот опыт на других. Так почему бы не пойти ему навстречу? «В 1927 году участки для застройки раздавал от Моссовета тов. Домарев. Увидя макет нашего дома, он решительно отказал всем конкурентам от госучреждений, заявив, что легче найти участки, чем построить такой архитектуры дом. “Отдать Мельникову участок”. Он не был архитектором и едва ли имел образование, он был просто рабочий» — так рассказывал Константин Степанович.

Имя его в те годы гремело, потому и доверяли проектировать советские павильоны за рубежом. Кто ни попадя вряд ли мог рассчитывать на личный участок в Приарбатье. А Мельникову — пожалуйста! Это отражало его творческий вес и признание. Не будем забывать и о том, что Мельников спроектировал ленинскую гробницу — саркофаг. Это также кое-что значило. В начале 60-х годов именно эта его работа позволила сохранить дом в Кривоарбатском переулке — его планировали снести для постройки комфортабельной номенклатурной высотки. Константин Степанович написал письмо «наверх», подписавшись как «автор первого саркофага» вождя. И от дома отстали.

Еще один актуальный вопрос, способный взволновать современную аудиторию: а разве тогда давали ипотеку? На какие, собственно, средства возводился дом? Обилие заказов позволяло Константину Степановичу жить на широкую ногу. Архитекторы считались вполне себе обеспеченными людьми, но не настолько же... Архивные данные говорят о том, что общая стоимость строительства с материалами составила почти 38 тысяч рублей, из которых более четверти Мельников внес из своих средств. На остальную сумму он взял ссуду, пояснив: «Отсутствие у нас средств заменилось обилием архитектурной фантазии, независимое чувство уничтожило какую-либо зависимость от осторожности; интимность темы открыла грандиозные перспективы нерешенных проблем жизни; действительно реальная экономия делала девятиметровый пролет таким же опасным и не менее новым, каким была в свое время громада Флорентийского собора». Налоги с экспериментального дома также не стали брать.

Сколько этажей в доме? Сам автор остроумно посулил премию тому, кто подсчитает. Исходя из планировки, вроде как три. На первом этаже архитектор спланировал переднюю, кухню со столовой, санузел, комнаты для жены и детей, гардеробную. Второй этаж поделен на гостиную и спальню. А мастерскую Мельников разместил на третьем, где предусмотрел и открытую террасу. Чтобы не бегать туда-сюда по каждому поводу, архитектор придумал встроить в стену так называемый воздушный телефон — металлическую трубу для связи мастерской с возможными гостями, что стучатся в калитку. Прообраз домофона! А вот что на самом деле нуждается в подсчете, так это количество окон — более 130, из которых к нынешнему времени уцелели не все.

Дом занимает далеко не всю площадь участка, выделенного Мельникову Моссоветом, из-за чего на земле нашлось место и объектам благоустройства — палисаднику с березами и черемухой (любимое дерево архитектора), а также ла-

вочке со столом, площадке для городков и волейбола, огородику и небольшому саду. Ну разве плохо? Каждый, наверное, хотел бы хоть денек-другой провести в этом райском месте. Многие не скрывали восхищения его талантом, так же как и зависти к дерзкому зодчему, придумавшему для своего дома шестиугольные окна. В частности, Игорь Грабарь признавался в 1933 году: «Никогда не завидую, но, уходя отсюда, поймал себя на чувстве зависти: хотелось бы так пожить». Но это была белая зависть.

Не в пример Грабарю некоторые коллеги Мельникова буквально исходили злобой, в чем только не обвиняя его: в творческой беспринципности, в намеренном создании «конструктивных головоломок» и даже в классовой враждебности проекта — дескать, чуждо все это победившему пролетариату. А как же? Ведь свой дом — это самый настоящий капиталистический пережиток. В то время, когда советские люди (исключая вождей и культурно-научную прослойку) ютятся в коммуналках и бараках, строя светлое будущее, Мельников предлагает «жилую буржуазную ячейку». В общем, не архитектура это, а «оперирование всечѐнными цилиндрами и игра “чистых” конструкций, идейно выхолощенная и тем самым толкающая к формалистски-эстетическому созерцанию», и не место таким домам в социалистических городах будущего с их массовым жилым строительством.

А для семьи Мельниковых это был прежде всего жилой дом, причем одно-квартирный, что не раз подчеркивалось. Только квартира эта была необычной, не соответствующей принятым стандартам и устоям. Удивление непривычной формой здания — это было лишь начало трудного смыслового процесса. Еще большее изумление охватывало переступавших порог. «Дом необычен не величиной, а сочетанием совершенно разных по форме, размерам, характеру освещения помещений. Здесь создан особый пространственный мир. Попавшему сюда человеку вдруг раскрывается, сколь чудесными и постоянно изменчивыми качествами может обладать окружающее его сложное жилое пространство. “Станный” снаружи, дом оказывается внутри еще более необычным, но при этом глубоко человеческим, уютным и удобным. Архитектура здесь вступает в непрерывный активный контакт с живущими в ней, несет особую духовность, радуется никогда не исчерпываемым, но неназойливым чередованием находящихся перед взором картин», — свидетельствуют посетители ныне закрытого на ремонт дома.

А чтобы изумленные гости все же не забыли, кто явился автором столь затейливого здания, над огромным окном, захватившим собой второй этаж, автор поместил рельефную надпись: «КОНСТАНТИН МЕЛЬНИКОВ АРХИТЕКТОР». Назвав свой дом экспериментальным, новатор Константин Мельников не лукавил. Он продолжал думать, усовершенствовать, развивать, размышляя о том, как сделать жизнь человека в городе еще более удобной и красивой. Ибо круглая форма здания предоставляет архитектору массу новых возможностей для проектирования нового содержания, то есть жилого пространства. «Не в перебор и не в угоду укладу, составившему общую одинаковую жизнь для всех, я создал в 1927 году в центре Москвы, лично для себя, дом, настойчиво оповещающий о высоком значении каждого из нас» — так сформулировал автор значение воплощенной им гуманистической идеи, обозначенной как модульная система архитектора Мельникова из цилиндров.

Такой бы идее — широкий размах, международное применение, но... со второй половины 30-х годов интенсивность творческой деятельности Константина Мельникова внезапно снижается. Но отнюдь не иссякший внезапно талант или болезнь прервали блестящий творческий взлет зодчего (словно выстрел охотника!), а события совсем иного порядка. В начале 30-х годов происходит резкое изменение культурной политики в СССР, начинается ее огосударствление, что выразилось в централизации всех творческих союзов. Вместо независимых в суждениях и творчестве многочисленных ассоциаций и объединений художни-

ков, музыкантов, писателей учреждаются соответствующие союзы (постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года). Был среди них и Союз советских архитекторов, основанный в июле 1932 года.

Еще в 20-е годы Москва воспринималась за рубежом как один из центров мировой архитектуры, прежде всего благодаря активно развивавшемуся в тот период конструктивизму. Отныне конструктивизм был объявлен вредным течением — формализмом. А его лучшие представители, такие, как Константин Мельников, подверглись остракизму и порицанию, да еще и в самых оскорбительных выражениях. Его творения называют «уродством, где все человеческие представления об архитектуре поставлены вверх ногами». А более всего возмущаются домом в Кривоарбатском переулке. «Этот каменный цилиндр может быть местом принудительного заключения, силосной башней, всем, чем угодно, только не домом, в котором добровольно могут селиться люди» — так писала газета «Правда» в статьях «Архитектурные уроды» от 3 февраля 1936 года и «Какофония в архитектуре» от 20 февраля 1936 года, обещая Мельникову помочь вернуться на верный путь «передового советского архитектора».

В результате его отлучили от практической работы. А последним реализованным проектом стал гараж Госплана в 1936 году. Мельников не находит себе места в новой культурной реальности. Ошибок он не осознает, несмотря на «помощь» — вал безудержной критики, оскорблений и травли. И как только сердце выдержало... Ему бы выйти на трибуну Первого съезда Союза советских архитекторов в 1937 году, покаяться со слезами на глазах, как его некоторые беспринципные коллеги. Но верность однажды избранному пути в искусстве оказалась сильнее желания практической работы. Константин Степанович не мог не понимать — творить ему не дадут, как бы спихнув на обочину.

Так и вышло. Из Московского архитектурного института его увольняют, как и из расформированной архитектурной мастерской № 7 Моссовета, которой Мельников руководил в 1933–1938 годах. В ряде источников указывается, что он, «полгода проработав в мастерской № 2 Моссовета у А.В. Щусева, уволился и вышел на пенсию». Но Щусева самого отлучили от профессии в 1937 году, отобрав мастерскую. Так что вряд ли Мельников мог рассчитывать на его помощь. А вот дом в Кривоарбатском переулке не отобрали и не снесли. Хотя в 1941 году во время немецкой бомбежки Арбата повыбивало стекла в знаменитых шестигранных окнах. Благо там имелось и свое собственное бомбоубежище — подвал. «Во время войны дом не отапливался, и первую печку мы с дедушкой складывали, когда мне было три года, — я ему кирпичики подавала», — вспоминает внучка архитектора Екатерина Каринская. Небольшая печка ныне сохранилась в гостиной, форма ее также необычна — напоминает башню (почему-то не круглая!).

Отставленный от профессии, Константин Степанович нашел себя в живописи — недаром еще в детстве его хвалили! Лишь в 1949 году он получает возможность вернуться к преподавательской работе. Но не в Москве (это было бы слишком в период борьбы с космополитизмом), а в Саратове, в местном автомобильном институте, на архитектурной кафедре. В это время он участвует в конкурсе на создание интерьера Центрального универмага, и мельниковский проект оказался частично осуществленным, что следует воспринимать как чудо.

С 1951 года Мельников преподает в Московском инженерно-строительном институте, а с 1958 года во Всесоюзном заочном инженерно-строительном институте. Участвует он в 50-е годы и в конкурсах: на монумент в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией в Москве, на Пантеон выдающихся деятелей государства, на проект Дворца Советов в Москве. Но безуспешно.

Дом Мельникова в Кривоарбатском стал для его архитектора в эти трудные годы своего рода крепостью, защитившей его от куда больших невзгод, хотя кажется, что может быть трагичнее для зодчего, чем отлучение от работы. Если

писателя не печатают, он пишет «в стол». Как Михаил Булгаков, создававший свой роман «Мастер и Маргарита» в обстановке такой же травли. Умирая, Булгаков взял слово со своей жены, что книга будет издана. Так и вышло, но автор этого уже не увидел. Если травят художника, отказываясь выставлять его картины, то, по крайней мере, рисовать ему не могут помешать. Так было, например, с Робертом Фальком. Когда запрещают исполнять музыку в концертных залах, композитор, сев за рояль, может сыграть ее кому угодно в своей квартире. А вот архитектор, ему как жить? В надежде, что после его смерти отвергнутый проект воплотят? Но кто это сделает? Жена, дети? Драма зодчего в том, что он работает не для себя, а для людей — им жить в его зданиях. И время здесь главный попутчик. Оно очень быстро проходит, ибо запросы населения, будь они неладны, растут, подстегивая смену архитектурных стилей. И потому запрещенному архитектору суждено доживать век среди его бумажных проектов.

И все же Мельников счастливый человек, несмотря ни на что. Он построил свой дом и много лет жил в нем. Почти три десятка лет спустя после начала травли о нем вспомнили. «Я один, но не одинок: укрытому от шума миллионного города открываются внутренние просторы человека. Сейчас мне семьдесят семь лет, нахожусь в своем доме, завоеванная им тишина сохраняет мне прозрачность до глубин далекого прошлого», — писал Мельников, автор дома-памятника. Другой памятник — намогильный — стоит на Введенском кладбище, где нашел свой покой Константин Степанович Мельников в ноябре 1974 года.

Незадолго до ухода в мир иной судьба и свела его с Василием Шукшиным. Сблизил их Анатолий Заболоцкий, рассказавший подробности о том, как сам впервые попал в этот чудо-дом с одним из своих коллег: «Константин Степанович встретил нас радушно, как принимал всяких датских, бельгийских и прочих людей, которые толпами к нему приезжали. Старик удивительно коммуникабельный, рассказал, показал весь дом... Мельников говорил, что его опекал Николай Александрович Булганин. Он часто приезжал в этот дом, ему все нравилось. В конце 40-х годов Мельников уехал преподавать в Саратов, и, как считал сам Константин Степанович, этим назначением Булганин сохранил архитектора после войны. Мельников показал нам всё: и архитектурную мастерскую, и круглую спальню. Потом мы пообедали у него».

Мельников предложил Заболоцкому снять документальный фильм о нем: «Хочу исповедаться на пленку о своем житье-бытье». Просто так в СССР нельзя было взять и начать снимать фильм, нужно было получать разрешение, и Заболоцкий пошел в Госкино, в документальный отдел: «Там сказали: “Сначала сделайте фильм об архитекторе Посохине. А потом дадим о Мельникове”. А я, дурак, сразу же ответил: “О Посохине сами снимайте. Я хочу про Мельникова только”. И в документальном отделе так обиделись на меня за это, что все мои заявки стали выкидывать. Вот эта дурость, слова непродуманные часто лишают вообще возможности двигаться...» Выдающийся кинооператор до сих пор переживает, что не удалось тогда осуществить замысел фильма о Мельникове.

Но зато удалось познакомить Мельникова с Шукшиным, так и появилась та самая фотография. Судьба архитектора и его проектов настолько сильно заинтересовала, захватила Василия Макаровича, что, когда речь зашла о будущем фильме про Степана Разина, он сказал: «Мы сделаем так: пробы будем снимать не в павильоне, а в доме Мельникова. Мне много актерских проб не надо, всех актеров я и так знаю, а на пленку, положенную на пробы, ты снимешь Мельникова». Дело в том, что пленка была импортная — «Кодак», дефицитная, вот Шукшин и придумал ловкий ход: и пробы сделать, и запечатлеть Мельникова для истории.

Что подкупило Шукшина в Мельникове? «Конструктивистов, к которым причисляли Мельникова, Шукшин не принимал, как и большинство людей, считал Мельникова уже давно в прошлом. Встретившись с Константином Степановичем, которому было уже за восемьдесят, Шукшин увидел перед собой

матерого крестьянина, сохранившего ясную память и скопленные знания. Они пламенно проговорили несколько часов, пока супруга не попросила пощады. Прощались друзьями», — вспоминает Анатолий Заболотский. Шукшин загорелся, захотев написать о Мельникове.

А чем Шукшин так заинтересовал Мельникова? «Люблю личность, уважаю личность и улаждаю личность», — сказал однажды архитектор. И этим многое объясняется. Смотришь на их совместное фото и думаешь: как поздно все же судьбе было угодно свести двух больших художников. Василий Макарович ушел из жизни почти на два месяца раньше Константина Степановича. А ведь разница в возрасте у них была немногим меньше сорока лет!

Если бы существовал пантеон великих архитекторов — нашему Мельникову обязательно нашлось бы в нем почетное и законное место. Время — единственный объективный арбитр — логично расставило многое по своим местам. Где сегодня та орда критиканов и обличителей, боровшихся с архитектором и его творениями? Если их имена и вспомнят, то исключительно в связи с тем, что они нападали на него. А вот среди памятников, оставшихся в наследство от советской архитектуры, дома архитектора Константина Мельникова привлекают к себе наибольшее внимание, чем еще раз подчеркивается необходимость бережного к ним отношения.

Непривычная форма дома в Кривоарбатском переулке навевала современникам порой диаметрально противоположные ассоциации. Милее всего она оказалась поэтам, что вполне укладывается в своеобразную логику мышления творческих людей. Особенно таких же авангардистов, как и сам Мельников, но в своем жанре. Например, Андрея Вознесенского; выпускник Московского архитектурного института и поэт по призванию, автор многих причудливых рифм, он и в кривоарбатском доме почувствовал поэзию:

Душа стремится к консерватизму —
вернемся к Мельникову Константину,
двое любовников кривоарбатских
двойною башенкой слились в объятьях.
Плащом покрытые ромбовидным,
не реагируя на брань обидную,
застыньте, лунные, останьтесь, двое,
особняком от людского воя.
Как он любил вас, Анна Гавриловна!

Анна Гавриловна — любимая супруга Константина Степановича, его муза, можно сказать. О ней сохранились любопытные воспоминания: «Когда 70-летнему архитектору захотелось уехать с внучкой на Волгу отдохнуть, ему пришлось тайком от жены, в одной пижаме выбираться из здания, взяв с собой маленький рюкзачок, в котором были лишь сапоги, смена белья, подушка-думка и пачка геркулеса. Анна Гавриловна не была красива, но считала себя красавицей. Лицо у нее было привлекательным, но низ — тяжелым и грузным. Рассказывают такую историю. Однажды Константин Степанович вышел из дома по делам; проходя по Арбату, увидел, что в магазине продают какой-то нужный продукт, и занял очередь, после чего сказал людям, что пойдет по делам, а вместо него придет его жена. “А как же мы ее узнаем?” — зароптал народ. “Она... — Мельников задумался. — Совершенно необыкновенная женщина!” И вот минут через десять входит в магазин Анна Гавриловна. Оглядывается по сторонам. “Вам сюда!” — практически хором говорят все люди, стоящие в очереди: перепутать ее с кем-то иным было невозможно». Анна Гавриловна пережила супруга на три года, скончавшись в 1977 году.

Хранителем наследия зодчего стал его сын Виктор Константинович (1914–2006), избравший стезю живописца, работавшего в различных направлениях.

Некоторые работы его хранятся в Третьяковской галерее. Изучая древнерусскую живопись, Мельников-младший был и прекрасным копиистом, создав в 50-е годы копии фресок Ферапонтова монастыря. Не менее важным делом своей жизни Виктор Мельников считал сохранение в неприкосновенности и во всей его подлинности дома своего отца. Главной мечтой наследников стало создание в доме музея. Много различных препон возникло на этом пути, пока в 2014 году не было озвучено долгожданное и многострадальное решение о новом московском музее. Государственный музей Константина и Виктора Мельниковых стал филиалом Музея архитектуры имени Щусева. И это оказалось идеальным вариантом, устроившим и наследников зодчего, и музейщиков.

Кстати, внучка зодчего Екатерина Каринская вспоминала: «В детстве я очень рефлексировала по поводу нашего дома, мало того, что носила очки, но ведь еще и жила в здании, которое иначе как “силосной башней” и “консервной банкой” никто из моих одноклассников не называл. Я ходила в школу мимо Морозовского особняка и считала его завитушки высшим проявлением красоты. И вот когда была в третьем классе, собралась с духом и высказала деду все, что накопилось у меня в душе: “Ну и зачем ты это построил? Хотя бы ракушек каких-нибудь для красоты прикрепил!” Если бы это услышал отец, он бы меня просто выпорол, но дед только потрепал ласково по голове: “Ну подожди, внучонок, деньжатами разживемся и прилипим...». Архитектуру Константин Степанович боготворил, называя ее «моя Красавица».

Учреждение музея позволило провести и первое масштабное исследование дома и участка. Выяснилось, что здание находится в «ограниченно работоспособном состоянии», то есть и фундаменты, и стены, и столбы признаны работоспособными. Тщательное обследование позволило обнаружить не только всякого рода трещины, но и... дневники Константина Мельникова. Это стало новостью номер один. О дневниках никто не знал и раньше не слышал. Это стало огромным подспорьем и для ученых, и для будущих реставраторов, ибо архитектор подробно задокументировал ход проектирования и строительства здания. В 2022 году дом закрыли на реставрацию.

А рассказ о выдающемся памятнике русского авангарда закономерно было бы закончить словами Константина Мельникова: «В наш век появления Конструктивизма, Рационализма, Функционализма и АРХИТЕКТУРЫ не стало... Что касается меня, я знал другое, и это другое — не один конструктивизм... Каждую догму в своем творчестве я считал врагом, однако конструктивисты все в целом не достигли той остроты конструктивных возможностей, которые предвосхитил я на 100 лет». И с этим трудно не согласиться.

Дискутировать можно по другому поводу. В 2016 году на карте столицы, на территории бывшего ЗИЛа, появилась улица Архитектора Мельникова. И это хорошо, но почему в названии улицы присутствует не имя, а профессия? Все очень просто: одна улица Мельникова в Москве уже есть, с 1967 года, у Симоньковского Вала. Я бы в связи с этим вот что сделал: пусть будут две улицы: 1-я улица Мельникова и 2-я улица Мельникова. Тогда уж точно не перепутать...